

ностей русского народного жилища. Постепенно усложняется усадьба и ее состав. Распространяется трехкамерная планировка, сначала в жилище посадских людей, затем крестьян. Переход к ней, считает автор, шел через соединение сенями избы и клетки. Он полагает, что происхождение позднейшего двухкамерного плана «изба — сени» сравнительно недавнее и не вполне ясно, и оспаривает мнение Е. Э. Бломквист, что сени развились из навеса над входом в жилище. М. Г. Рабинович думает, что сени богатых домов, своего рода открытая веранда второго этажа, генетически не связаны с сенями позднего времени — постройкой, соединяющей два сруба — жилого с хозяйственным или два жилых.

В статье Н. П. Приходько обобщены материалы письменных и отчасти полевых исследований об украинском жилище преимущественно XVI—XVIII вв. Автор указывает, что жилища господствовавшего класса до XVIII в. мало отличались по планировке от крестьянского жилища и что архитектурные приемы последнего были и основой сооружения культовых зданий. По мнению автора, «в XVI—XVII столетиях в жилище украинцев в основном сложились его этнические особенности» (стр. 275).

Статья В. В. Седова посвящена жилищу народов, живших на территории современной Советской Прибалтики в I — начале II тысячелетия нашей эры, т. е. до эпохи раннего средневековья. Работа снабжена ареальными картами разных эпох и планами археологических раскопок, на материалах которых она в основном и построена. Как считает автор, прибалтийский регион однороден ландшафтно и климатически, и поэтому различия в жилище обусловлены здесь не природной средой, а этнической дифференциацией населения. Так, в эпоху раннего железа землянки или полужемлянки характерны только для западнофинского населения. Среди принадлежавших ему наземных домов преобладают срубные, которые известны уже в раннем железном веке и господствуют в средневековье. Жилища же балтских племен в эпоху раннего железа имели столбовую конструкцию, и не исключено, что появление таких жилищ на городище Асва (о. Сааремаа) связано с проникновением балтов на земли Эстонии. Позже, в основном уже в эпоху средневековья, каркасно-столбовые жилища у балтов вытесняются срубными. До этого в строении жилищ столбовой конструкции у балтов четко прослеживаются межплеменные различия. Так, например, «жилища с глинобитными полами второй половины I тысячелетия н. э. можно рассматривать в качестве латгальской этнографической особенности» (стр. 301).

В настоящее время советскими этнографами частично опубликованы, частично подготовлены к печати и вскоре выйдут в свет историко-этнографические атласы, характеризующие разные стороны культуры, и в частности жилище народов Восточной Европы — этой историко-этнографической провинции высшего порядка. На очереди дальнейших исследований — составление по возможности столь же полного историко-ретроспективного обзора тех процессов развития и формирования разных сторон культуры, которые имели место в прошлом. Книга «Древнее жилище народов Восточной Европы» — важный шаг на пути к построению подобной ретроспективы.

С. А. Арутюнов

М. С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975, 282 стр.

Рецензируемая монография посвящена актуальной, важной и трудной для разработки теме — антропологической характеристике населения Юго-Запада СССР. Решаемые автором проблемы относятся не только к Прутско-Днестровскому междуречью. Сформулированные М. С. Великановой на основе исследования антропологического материала выводы значительно продвигают решение ряда дискуссионных вопросов этногенеза славян, восточных романцев и других народов. В этом — несомненная заслуга автора.

Фундамент рецензируемой книги — обширный палеоантропологический материал, в значительной мере собранный самим автором во время раскопок. Данные тщательно обработаны по современной методике.

Ниже рассмотрена преимущественно историко-этнографическая концепция М. С. Великановой. Попытаемся определить конкретно, что нового дают историкам выводы М. С. Великановой, к которым она пришла в результате исследования антропологического материала. Работа открывается введением, представляющим собой содержательный очерк этнической истории Прутско-Днестровского междуречья. Есть только одно замечание к этому очерку: говоря о том, что к рубежу нашей эры различные племена во главе с бастарнами «частью ушли, частью растворились в массе гето-дакийского населения» (стр. 5), автор не учитывает свидетельств Страбона, Птолемея и Зосима о том, что в первых веках нашей эры бастарны занимали карпато-днестровские земли¹.

¹ Э. А. Рикман. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975, с. 329.

Первая глава работы посвящена антропологическому составу трипольского населения. Его характеристика основана на результатах изучения серии из позднетрипольского Выхватинского могильника и ее сопоставления с широким кругом европейских краниологических аналогий. Автором установлено, что антропологический тип населения, представленного в Выхватинцах, — европеоидный, долихокранный, грацильный — относится к краниологическим формам, которые в трипольскую эпоху были распространены в Средней Европе и в Средиземноморье. В типе позднетрипольского населения отразились и черты племен, населявших южнорусские степи и сохранивших протоевропейский антропологический облик. М. С. Великанова установила также, что основной антропологический тип, представленный в Выхватинцах, близок к типу населения пещерных неолита и энеолита карпато-балканского региона.

Выявление этой общности позволило прийти к важному выводу о том, что средиземноморский антропологический тип не представляет на данной территории чего-то нового, связанного только с появлением трипольской культуры. Следовательно, происхождение трипольских «средиземноморцев» не связано с далекими передвижениями в собственно трипольское время.

В трипольской культуре (Выхватинский могильник) велика степень соответствия культурно-исторических и антропологических компонентов: наличие протоевропейских черт в антропологическом типе соответствует присутствию в погребальном инвентаре отдельных элементов степных восточноевропейских культур.

В эпоху бронзы, как установила М. С. Великанова в результате изучения двух серий черепов из могильников Бедраж и Калфа, на территории Прутско-Днестровского междуречья население иное, чем в трипольском периоде. Новые обитатели междуречья переселились с востока и были носителями протоевропейского антропологического типа.

Могильник Бедраж относится к культуре Ноа, распространенной между Карпатами и Днестром. Изучение этого кладбища фиксирует несоответствие антропологических и культурно-исторических феноменов. Здесь налицо восприятие «восточным», «степным» по антропологическим параметрам населением культуры в целом «западной», сложившейся в основном на базе культуры Монтеору и представленной главным образом на территории между Карпатами и Прутом. В культуре Ноа наличествуют лишь отдельные черты влияния со стороны более восточных племен комаровской и срубной культур лесостепного и степного северо-западного Причерноморья. Подобные факты подчеркивают особую роль антропологических данных в этноисторическом анализе: именно их учет позволил правильно судить об удельном весе компонентов, слагающих культуру Ноа (в ее восточном ареале) и рассматривать ее формирование как сложный синтез, видимо, разнотипных компонентов — «западного» и двух «восточных»².

В IV—III вв. до н. э., как показала М. С. Великанова, антропологический состав населения Прутско-Днестровского междуречья не такой, как в эпоху поздней бронзы. Это установлено анализом черепов, собранных А. Доницем в могильниках Бессарабии, т. е. на правобережье Днестра, и из могильника IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка, расположенного на левом берегу нижнего течения этой реки. Изучая население конца I тысячелетия до н. э., антрополог столкнулся с особыми трудностями, так как преобладание обряда трупосожжения лишает его значительной доли материала. Тем не менее М. С. Великановой удалось на основе анализа имеющихся в литературе данных показать антропологическое различие между фракийским и скифским населением, что важно для изучения материала из Поднестровья — территории, пограничной между этими этносами.

Основной вывод из исследования этого материала таков: «по всем признакам, которые разграничивают скифов и фракийцев, т. е. по основным диаметрам мозгового черепа и лица, поднестровские серии заняли в общем промежуточное положение между этими группами» (стр. 63).

Приведенный выше вывод М. С. Великановой не полностью согласуется с историко-археологическими данными, свидетельствующими о том, что в лесостепной зоне Днестр был границей между скифами и фракийцами, причем культура населения правобережья была фрако-гетской, на левобережье же преобладала скифская культура. Археологические данные в этой контактной зоне иногда говорят и о взаимопроникновении культур. Так, в памятниках у с. Николаевки, находящихся в степной зоне (левобережье Нижнего Днестра), представлено органическое сочетание преобладающих скифских, фрако-гетских, греческих элементов культуры³. Правда, греческий антропологический элемент автором не выделен.

Далее М. С. Великанова рассказывает о населении междуречья в первых столетиях нашей эры. По историко-археологическим данным, здесь ясно выделяется сарматский

² Г. И. Смирнова. Новый могильник культуры Ноа у с. Старые Бедраж и на Пруте. — «Археологический сборник», Государственный Эрмитаж, вып. 11, Л., 1970, с. 66; В. А. Дергачев. Памятники эпохи бронзы. — «Археологическая карта Молдавской ССР», вып. 3. Кишинев, 1973, с. 63, 64.

³ А. И. Мелюкова. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975, с. 192, 193; И. Т. Никулицэ. Геты в IV—III вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 15.

этап развития этого населения, его культуры, реконструируемый по письменным источникам и инвентарю могильников Боканы, Криничное, Селиште, Старые Куконешты и т. д., а также многих выпускных погребений в курганах эпохи бронзы. Малочисленность антропологического материала не позволила выделить его в самостоятельный раздел, посвященный сарматской стадии. Остается надеяться, что дальнейшие раскопки пополнят этот материал и удастся устранить расхождение между историко-археологической и антропологической периодизациями.

Значительно больше у М. С. Великановой антропологических данных о племенах черняховской культуры первых веков нашей эры. Скрупулезный анализ краниологического и остеологического материала из могильников Будешты и Малаешты позволил М. С. Великановой установить большую близость погребенных в этих могильниках и принадлежность их к европеоидному средиземноморскому типу. Автор определил место упомянутых серий среди антропологических материалов остальных могильников черняховской культуры. Так, М. С. Великанова закономерно отличает серии черепов из Будешты и Малаешты от серий из Косанова и с территории Румынии. Последние, пишет она, приближаются к группам североευропейского происхождения. Автор выяснил, что череп из Будешты и Малаешты отличаются и от остальных черепов черняховцев. «Это дает основание выделить локальный прутско-днестровский вариант антропологического типа черняховского населения», — пишет М. С. Великанова (стр. 75). Что же это за население? Выводы М. С. Великановой, ранее опубликованные в статьях, уже оказали глубокое влияние на решение черняховской проблемы. Поднестровья: «с большой вероятностью можно предполагать участие в формировании черняховцев Пруто-Днестровья местного фракийского населения» (стр. 90).

М. С. Великанова показала также, что черняховское население было смешанным. В его составе были не только фракийцы — грациальные средиземноморцы по типу, но и сарматы — представители брахикранного широколицего типа. М. С. Великанова установила корреляцию этих антропологических типов с определенными видами погребального обряда. Вывод об антропологической неоднородности населения — носителя унифицированной культуры — весомый вклад в решение черняховской проблемы.

История славян в Пруто-Днестровском междуречье продолжительна: 500, а возможно и 700 лет (с VI по XI—XIII вв.). Славянские могильники на рассматриваемой территории известны с конца IX — первой половины X в.

Исследуя материал X—XI вв., антрополог стремится ответить на важный вопрос: как соотносятся черняховцы и славяне, могут ли первые быть предками вторых? Этот вопрос тем более закономерен, что в научной литературе неоднократно и вполне определенно высказывалось мнение о черняховцах (в частности, Поднестровья) как о славянах.

М. С. Великанова, изучив краниологическую серию из могильника Бранешты (Оргеевский район МССР, X—XI вв.), приходит к важному выводу: славяне представлены иным антропологическим типом, чем черняховцы, генетические связи между черняховцами и славянами отсутствуют. Славяне — вновь поселившийся в Поднестровье народ. Это положение, обоснованное М. С. Великановой, сыграло большую роль в решении проблемы соотношения черняховского и славянского населения.

Детально анализируя череп из Бранешты и Василева (Черновицкая область УССР), автор считает их близкими друг другу, причем обе серии относятся к наиболее широколицему среди восточных славян типу, который представлен также в группах древлян и западных кривичей. Установив место антропологических серий из Бранешты и Василева среди соответствующих материалов наиболее западных восточнославянских племен, автор намечает и возможные пути славянского заселения Поднестровья.

Анализируя череп из Бранешты и обосновывая их восточнославянскую принадлежность, М. С. Великанова учитывает не только антропологический, но и археологический материал. При этом она опирается на мнение автора раскопок и публикации материалов памятника Г. Б. Федорова, что Бранешты — восточнославянский, древнерусский могильник. Заметим, что И. Г. Хынку высказал мнение, что этот могильник относится к балкано-дунайской культуре⁴. Если бы последнее суждение оказалось верным, то можно было бы говорить об интересном факте восприятия восточнославянским населением балкано-дунайской культуры.

Для изучения этногенеза восточнороманского населения, в частности молдаван, большое значение имеет исследование антропологических материалов X—XIV вв. Из источников этого периода М. С. Великанова обращается к могильнику XII—XIV вв. Лимбарь-Ханска⁵. К сожалению, из-за плохой сохранности автор не смог использовать материалы соседнего могильника X—XII вв. Кэпрэрия-Ханска⁶, хотя сравнение антропологических и археологических материалов из обоих памятников, видимо, было бы

⁴ Г. Б. Федоров. Работа Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. — «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 113, 1968, с. 93; «Древняя культура Молдавии». Кишинев, 1974, с. 140, 147.

⁵ И. Г. Хынку. Лимбарь — средневековый могильник XII—XIV вв. в Молдавии. Кишинев, 1970.

⁶ И. Г. Хынку. Кэпрэрия — памятник культуры X—XII вв. Кишинев, 1973.

плодотворным, ибо они, судя по археологическим данным, оставлены родственным населением.

Исследование М. С. Великановой материала могильника Лимбарь — интересный пример успешной попытки этнической атрибуции памятника на основе лишь антропологических данных: первоначальное исследование (1965 г.) проводилось в период, когда на археологические изыскания еще нельзя было опереться⁷. М. С. Великановой установлена неоднородность антропологического состава исследуемой группы и участие в ее сложении двух компонентов — пришлого тюрко-болгарского, более характерного для мужчин, и местного восточнославянского, полнее представленного среди женщин. Этот вывод обоснован сравнительным анализом большого антропологического материала сопредельных областей, а также сопоставлением данных письменных и археологических источников. Приняв во внимание, кроме того, отличие исследованного материала от серий более поздних периодов, М. С. Великанова пришла к заключению о том, что группа населения XII—XIV вв., известная нам по мужским черепам из могильника Лимбарь, должна быть исключена из числа основных слагаемых, участвовавших в формировании физического типа молдаван. Вместе с тем М. С. Великанова не исключает возможности «вхождения (и растворения) некоторого числа подобных групп в состав предков молдавского народа» (стр. 143).

Как же антропологические данные соотносятся с культурно-историческими? Анализ памятников балкано-дунайской культуры показал наличие в ней славянского, тюрко-болгарского (салтовского) и восточнороманского основных этнокультурных компонентов. Кроме того, обнаружены еще черты, свойственные степным кочевникам⁸.

Таким образом, антропологические данные в основном согласуются с данными археологии. Расхождение наблюдается лишь в связи с восточнороманским компонентом, который не устанавливается антропологическими наблюдениями. Следует отметить, что и по письменным источникам факт обитания восточнороманского населения в Прутско-Днестровском междуречье в X—XIII вв. пока не удалось обосновать⁹. В подтверждение того, что в балкано-дунайской культуре присутствует восточнороманский компонент, приведены некоторые археолого-этнографические доводы.

В последней, седьмой, главе работы М. С. Великанова на основе краниологических данных определила место, которое средневековые и современные молдаване занимают среди синхронного населения сопредельных областей Европы. При этом она правильно акцентировала внимание на изучении проблем взаимосвязей молдаван, с одной стороны, и румын и славян — с другой.

Опорой исследования служат 116 черепов с кладбища с. Варатик (XVII—XIX вв.) и небольшая серия из Старого Орхея (XIV—XV вв.). Обе серии автор считает по всем признакам сходными.

Сравнивая молдавские и румынские серии черепов, автор отмечает в них как черты сходства, так и различия. По признакам, отличающим румынские серии от молдавских, последние сближаются с восточными славянами. Уточняя это положение, автор обосновывает вывод, что серии из Старого Орхея и Варатика промежуточны между антропологическими группами, представляющими народы Балкано-Дунайской области, с одной стороны, и восточных славян — с другой.

Такое решение вопроса логично, естественно, доказуемо. Но возникает вопрос: к какой группе должно быть отнесено население Запрутской Молдовы (на территории Румынии)? Каковы антропологические признаки обитателей Карпато-Днестровья, Молдавского княжества? М. С. Великанова, присоединяясь к имеющимся в советской научной литературе представлениям об этнических отличиях молдаван от румын как результату восточнославянского влияния, обосновывает этот тезис краниологическими данными; но она, к сожалению, не учитывает того, что восточные славяне (русины, а затем украинцы) обитали и в Запрутской Молдове. Поэтому проблема должна быть рассмотрена применительно к региону более широкому, чем Прутско-Днестровское междуречье, — к Карпато-Днестровским землям в целом.

Известные попытки в этом плане автором монографии сделаны. М. С. Великанова указывает на различия между сериями из Олтении и Мунтении, с одной стороны, и Запрутской Молдовы и Старого Орхея — с другой. В аспекте высказанного выше соображения полезно продолжить сравнительное изучение упомянутых выше серий из Карпато-Дунайских и Карпато-Днестровских земель.

Подытоживая свое интересное исследование, М. С. Великанова присоединяется к мнению Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой, Н. Н. Чебоксарова¹⁰, что различия в антропологическом типе обязательно сопряжены с этническими различиями (тогда как обратное не всегда справедливо). Представляется, что эту формулировку следует обсудить. Думается, что антропологические данные отражают прежде всего историю формирования этноса, а не его состав. Так, например, фрако-геты, населявшие в IV—III вв. до н. э. лесостепное Прутско-Днестровское междуречье, относились к смешанному (фракийско-

⁷ М. С. Великанова. Об одной группе средневекового населения Молдавии по антропологическим данным. — «Сов. этнография», 1965, № 6, с. 61—75.

⁸ «Древняя культура Молдавии», с. 148, 149.

⁹ «История Молдавской ССР». Т. 1. Кишинев, 1965, с. 80, 81.

¹⁰ «Проблемы заселения Европы по антропологическим данным». — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVI, М., 1951.

скифскому) антропологическому типу. Но специфические особенности культуры позволяют локализовать здесь именно фрако-гетов¹¹. В этом и ряде указанных выше других случаев наблюдается известное расхождение между антропологическими и культурно-историческими (археологическими) явлениями. Причина подобных несоответствий указана М. С. Великановой: пограничное положение Прутско-Днестровского междуречья, в котором возникали различные сочетания западных и восточных, местных и пришлых антропологических, культурных и этнических компонентов. В таком регионе антропологически «восточное» население может оказаться носителем «западной» культуры. К таким своеобразным историко-этнографическим проблемам подводит читателя книга М. С. Великановой. И это закономерно. Ведь наиболее характерная особенность книги — глубокое историко-этнографическое осмысление антропологических данных, основанное на их последовательном сопоставлении с историко-культурными явлениями. В семи главах рецензируемой книги содержатся тщательно продуманные и аргументированные, осторожно сформулированные новые выводы по этнической истории, с которыми должны считаться исследователи этногенеза на территории Карпато-Днестровья и в Северном Причерноморье в целом.

Э. А. Рикман

¹¹ А. И. Мелюкова. К вопросу о границе между скифами и гетами. — «Материалы и исследования по археологии СССР», 1969, № 150, с. 79.